

УДК 111.852 + 111.11 + 7.01

ДАДА ДО ДАДА И ПОСЛЕ ДАДА: ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ИСТОКА

Д.А. Граханов

В статье разбирается проблема понимания движения дадаизма в связи с широким философским контекстом, который позволяет выявить причины этого движения, а также его последующее выражение в иных формах за рамками его самоопределения. Дадаизм рассматривается в ряду периодических интеллектуальных проявлений фундаментальной потребности культуры в самопознании и самокритике. Установлено поле неразрешимости и пустоты между потоками известных смыслов в рамках проблемного мышления дада как исток их творчества.

Ключевые слова: дада, скептицизм, сомнение, деконструкция, ничто, объективность, реальность

«Дада – вот слово, которое ведет идеи на охоту» [1]. Эта фраза из манифеста дада 1918 года Тристана Тцары позволяет подумать о таких идеях, которые являются не объектом охоты, а её предметом. Это идеи ничтожащие другие идеи, высвобождают их для них же самих, иначе говоря, превращают их в дада. И при этом «дада ничего не означает» [1]. Но дада означает Ничто, которое в новой манере дадаистов воскрешается вновь и вновь. Дадаисты начала XX века в своих изысканиях дошли до того предела экзистенциальной честности и области свободы творческого субъекта, где оказываются не действительными искусство, философия и наука в традиционном их понимании. В особые моменты познания реальности последние не вызывают доверия, осознается необходимость приостановления их влияния на размышляющую способность человеческого Я. Оказывается нужным на время их отменить, как препятствие к пониманию объективности. Честными их мыслительные акции можно назвать потому, что они, не останавливаясь на достигнутой ими же мысли-мифе о естественной простоте отсутствия в их акциях творчества, осознают ограниченность своих же подходов. Обнаруживают и оставляют мысли; приходят к ним, уходя от них. Вновь найденные мысли, которые, казалось бы, нужно сохранить и культивировать, они бросают и забывают. Они отказались от интеллектуальных претензий, художественных плодов отражения реальности и мифологических событий в производстве своих же философов. Быть честным, значит быть предельно естественным и открытым всему миру. Открытость миру до предела можно понимать через состояния мышления, которому нечего предъявлять миру и нечего в нем объяснять. Как будто настает осознанность того, что человек не в силах адаптироваться в этом мире

с таким большим количеством противоречий, которые чрезмерно много раз пересекают, полосуют мир и человека, заключают его в своих сетях. Человек крайне недоверчив к мнениям человека. Человек оказывается сомнителен сам для самого себя. Человек становится предельно сомневающимся, а в этом пределе и сомневающимся в своих же сомнениях.

Сомнения в идеях человечества и критика идеологий и продуктов воображения доходит до той пустоты отсутствующей семиосферы, которая сама по себе отвергается, как тупиковый миф не-философии Ничто, которую ценили выше самой философии. Честность в случае дадаистского способа мышления означает, видимо, способность постоянного движения мысли против мыслей, так как ей присуща естественная способность ускользания из ограниченных фаз понимания объективности. В связи с этим значимо для дада звучат мысли Э. Гуссерля: «Весь мир – полагаемый в естественной установке, действительно обретаемый в опыте, взятый совершенно «без всякой теории», а таков и есть мир, действительно постигаемый в опыте, подтверждаемый во взаимосвязи опыта, – этот мир теперь для нас вообще ничто, мы будем вводить его в скобки – не проверяя, но и не оспаривая» [2]. Человек честно признается себе в том, что он конечное «ничтожество», неспособное ничего подлинно субстанциального о себе и о бытии уловить и запечатлеть, кроме этой отчаянной констатации. Свободу дадаиста можно понимать диалектически, а не только аналитически, или же способом диалектического анализа. В таком случае, понятия свободы и честности близко расположены, друг в друге содержатся. Например, честное сказание себе, что Я – ничто, отсылает тут же это Я в переживание свободы от всего, что навязывает себя ему. Честно сознаться в чем-то, означает освободить себя от усилия сокрытия и избегания открытости, а также отстранить себя от скрывающего естество мифа-мысли, идеи-действия и т.д. Когда кто-то скептически отвергает всё что угодно, он тем самым замыкает себя в самом «скафандре» скептицизма. Свобода скептика тогда оказывается в рамках тюрьмы скептицизма. Следовательно, это уже будет не предельная свобода, а предельная несвобода. Иными словами, как только мыслящий субъект претендует обрести свободу от мнений, он оказывается зависимым от самой этой претензии. Он закрывает глаза на то, что истина возможна вне скептического ограничения своего отношения к миру. Дадаист не скептик. Дадаист, скептически относясь к скепсису как таковому, как будто исключает скептическое начало из своего отношения, но при этом он не может только скептически относиться к скепсису. К самому скептическому методу скептически относиться нельзя, иначе можно упустить его пользу. Как оценить пользу и вред скептического метода? Видимо, оценивая честно, к чему можно, а к чему нельзя относиться скептически. И тогда можно определить, в каком случае к методу скептицизма относиться мы будем скептически или как-то иначе. Дадаист уже не знает к чему относиться скептически, как не знает он того, обо что может раз-

биться сам скептицизм. И вообще, дадаист не знает точно, какая из его мыслей заслуживает доверия. Методы скептицизма, критицизма, веры, любви и др. не могут вызвать у дадаиста доверие или недоверие. Эта не свобода от всевозможных методов интерпретации реальности. Это душевное и напряженное незнание. Это зависимость от растерянности перед тем, как к предстоящим противоречиям мира человеку стоит относиться. Это зависимость от растерянности перед сомнением в том, есть ли противоречия на самом деле, сомнения в том, что они могут все-таки быть и их нужно каким-то образом осилить, осмысляя. Они против манифестов, но всё что они манифестируют текуче и подвержено изменению со стороны их самих. Всё что содержательное они мыслят, они же и уничтожают, так как предчувствуют наплывы новых содержаний.

Таким образом, с одной стороны, дадаисты предельно свободны от любых (в чем нет уверенности) ограниченных мнений, от любви к ограниченной человеческой жизни (нет при этом уверенности, что они не пристрастны пустословию, нелепости и частной человеческой жизни), а с другой стороны, они несвободны от своего странного состояния «свободы» или перманентного напряжения мысли, движения мысли, её ускользания к иным мыслям или в пустоту.

Самоименование «дада» означает пустоту бессмысленную, которая стоит за детским лепетом, или пустоту отсутствующего значения, которая скрывается за борьбой целого множества противоречивых, несовместимых значений одного единственного слова «дада». Но. Всегда или не всегда, но часто, возникает в сознании дадаиста это «но». Но, «пустота», «ничто», как отсутствующее связующее значение также не является пределом мудрости и желаний дадаистов. Они любят многообразие реальных вещей, но при этом не настолько, чтобы связывать их форму с каким-либо смыслом и судьбой. Реди-мейд и коллажи дадаизма обделены смыслом и оставлены в свободе физического пребывания. Или они готовы принять на себя любой из наложенных на них смыслов, но при этом оставаясь бессмысленными. Дада любят стихию противоречивой жизни, но при этом любят пустоту НИЧТО, которая бы их отвела от этой любви в сторону и предоставила место спокойной думе или покою бездумного состояния. Возможно, они ценят пустоту не только ради удовольствия медитации, а ради паузы возможного ясномыслия (трезвомыслия) и инакомыслия. Ценят пустоту за то, что именно в среде напряженного отсутствия значения, рождается новое значение, и сам акт рождения доставляет удовольствие, но которое исчезает скоро, давая понять, что не ради самого удовольствия и не ради родившегося смысла дадаисты ценят пустоту. Конечно же, не ради неё самой. Они вынужденно к ней приходят, вечно возвращаются к ней. Приходится с ней оставаться, иными словами, в неё ввергаться, проходя горячий путь апоритичного (апория), нигилистичного (абсурд), непримиримо диалектического мышления (антиномия) и т.д.

Если коротко говорить, то негативная диалектика дадаиста приводит его к пустоте полной напряженности, а сама эта пустота диалектически движет его, не давая остановиться на определенной синтетической, синтезируемой мысли. Синтезирующая мысль синтетична (искусственна), деструктивная мысль естественна. Естественна она, так как постоянно движется и живет, не успокаиваясь на конечных результатах. Естественность и честность здесь мы можем отождествить. Нечестно было бы останавливать движение мысли, тоталитарным образом её завершать и приводить к гармонии уверенного в себе смысла. Но им завершать приходится те мысли, которые учат мыслительному естеству. Такое завершение воплощается в манифестах дада, но такое завершение не вполне завершенное, оно свободно открыто для последующих деконструкций и деформаций, так как, как мы уже упоминали, нет окончательной уверенности в том, что является естественным, а что таковым не является. Например, для мира война естественна или же её можно искоренить? Для мира людей смерть естественна и существенна или её понимают только люди, наделяя ей мир? Вся эта диалектическая вопрошаемость и не успокаиваемая горячность мысли для дадаиста всё-таки, иногда и к счастью, надоедлива. Дадаисты не желают ограничивать себя территорией философии, искусства и обыденного сознания. Они мечутся между этими областями, интересуясь их плодами и отстраняясь от них одновременно, но они же при этом просто скрываются между ними, не примыкая ни к одной из них. Скрываться долго они не могут. Они просто исчезают как «дадаисты» и становятся либо художниками, либо поэтами, либо философами, либо непростыми или простыми нетворческими людьми и т.п. Быть нетворческим означает для дада позитивную и естественную ценность, которая позволяет человеку не быть в тисках творчества искусственного. Итак, идея творческой фигуры дадаиста бесформенна, так как неразличимо объединяет противоположности и одновременно рассеивает их в неопределенной сфере целостной личности. Проще и грубо говоря, дадаист может сочетать в себе уличного бунтаря и заумного философа, рафинированного художника-эстета и человека массовой культуры, революционера и конформиста-скептика и т.д. Всем из этого он является и одновременно ничем из этого он не является. Он проявляется в эпатажных акциях, но и скрывается в масках-симулякрах, жаждет славы, революции, но и тишины, надежды. Парадоксальная сущность дадаиста уничтожает его определенный статус, но не до конца, видимо, чтобы оставить бесформенное формой, чтобы все-таки оставить следы бесследного, а значит, чтобы подчеркнуть наличие отсутствия, в котором есть нечто нужное для культуры. Это нужное можно пока назвать критическим элементом (научным и житейски скептицизмом), постоянно движущим мышление человека, которое само семантически неопределенно, но существенно для понимания непонимания целого ряда субстанций и про-

творечий бытия. Нам кажется, этот критический элемент близок «парадоксальной инстанции» Ж. Делёза: «Эта парадоксальная инстанция никогда не бывает там, где мы её ищем, мы никогда не находим её там, где она есть, ей не достаёт ещё и самотождественности, самоподобия, саморавновесия и самопроисхождения» [3]. Движение дада не желало стремиться к тождеству идеи бога и человека, идеи ничто и человека, но они не были и просто клоунами, симулянтами, пародийно проигрывающими роли и смыслы. Они поистине были просто дада, поставленными под вопрос всеми теми, кому угодно было вопрошать.

Одной из ценностей их акций и практик является обнаружение самого истока творчества. Эстетическое и художественное значение не форм искусства и мысли, а философское значение истока искусства и мысли как таковых. Усмотрение смертности всякой мысли даёт возможность оценить ценность мысли как таковой, мысли без определенного содержания. Важно мысль породить, донести, а не вырастить из неё целую систему знания. Важно быть творцом идеи, а не творцом форм этой идеи, как художественных подражаний этой идеи. Интересно распрощаться с сотворенной идеей, а не воскрешать её в косных формальных вариациях. Интересно помыслить идею в первичной становящейся бестелесной субстанции и не превращать её в многотомное здание. Дадаисты не учат концептуализму и идеалистическому неклассическому искусству, они предлагают серии концептуальных вариантов – альтернатив классическим способам философии, поэзии, искусства. Они не строят искусство будущего, они живут настоящим. Процесс дадаистской смуты, разворачивающийся и проявляющийся в настоящий момент является объектом их интереса.

Если может показаться, что мы здесь переоцениваем возможности дадаистской мысли или надумываем, или искажаем, извращаем их идеи, то тогда мы сразу предупреждаем, что и не собирались претендовать на адекватность своей интерпретации дада, а всего лишь демонстрируем наш опыт восприятия его, появление которого и провоцирует сам дадаизм. Но, тем не менее, такая претензия есть, но она старается быть по возможности непретенциозной. Любя следы мыслительных опытов дадаистов, мы вольно или невольно подражаем им и мыслим посредством их мышления. Поэтому данные заметки имеют движение к цели понимания, путем интроспекции и герменевтического вчувствования, истоков и последствий этого движения. Мировоззрение дадаистов, с одной стороны, удивляет и шокирует своей новизной и свободой, а, с другой стороны, кажется традиционным в ряду схожих явлений. Диалектика вечного и преходящего, авангардного и традиционного, западного и восточного определяет один из подходов интерпретирования дадаистского явления. Универсальность объема и пустота содержания слова «дада» можно соотнести с рядом аналогичных понятий: «дао» даосистов, «логосом» Гераклита, «богом-субстанцией»

Спинозы, «жизнью» Ницше, «эпохе» Гуссерля, «деконструкцией» Деррида, «смыслом-нонсенсом» Делеза. И Диогена Синопского можно назвать дадаистом и это не будет большой ошибкой, учитывая характер его мышления. Список аналогий мы не завершаем, так как его можно продлить в зависимости от воспоминаний. Понимая сложное разнообразие вышеупомянутых понятий различного рода философов, мы настаиваем здесь на некотором их объединяющем фундаментальном элементе, а именно, на том, что можно обозначить парадоксальным и противоречивым «поток», даже не жизни – бытия и мышления. Бытие и способ его осмысления схожи, иными словами, способность осмысления бытия и само бытие, которое и видно, благодаря осмыслению – схожи. Сходство не в определениях и признаках форм бытия, а в ускользании его самого и деструкции его понимания. Бытие ускользает от осмысляющего окончательного определения, а способ осмысления бытия разрушается в процессе познания. Такое представление о бытии, жизни и способностях мышления, которое в основе агностицично, нигилистично, критично и деструктивно, необходимо всегда. Подобное отношение к бытию возникает с неопределенной периодичностью почти во все времена, во многих культурах. В чем состоит его необходимость? Во-первых, культурному сознанию любой эпохи требуется освобождение от стереотипного знания, отживших свой срок и потерявших актуальность мифов, от пережиточных аспектов традиции и т.д. Во-вторых, такое отношение, через нигилистическое очищение, дает возможность быть процессу самоопределения на основе чистого фундамента, основание которого впоследствии заполнит то, что действительно необходимо личности. В-третьих, это точка зрения на мир нужна тому роду людей, которые отождествляя себя с ней, как с соприродной своему существу, находят себя в этом мире. В-четвертых, «дада-даоская философия», обладая специфической эстетической формой, доставляет особое удовольствие приверженному субъекту. Возможно, это «эпикурейское» удовольствие является причиной определенной интеллектуальной любви к неопределенным ценностям, которые несут психотерапевтический и экстатический эффект. Такое мировоззрение должно существовать хотя бы потому, что существуют, данные самой природой, подобные человеческие психотипы, либо формирующие его (мировоззрение), либо приобщающиеся к нему. Таким образом, оно имеет общественно-культурное, познавательное и психологическое значение. Оно, не смотря на свою абстрактность, выполняет конкретные общественно-полезные функции. А абстрактность его, – состоящая в недоверии широкому кругу определенных знаний, а значит, в отвлечении от него, – исходит их жизненных фактов, противоречащих этим знаниям, не соотносящихся с ними.

Дада выступают за анти-искусство, в котором они видят подлинное искусство в его истоке. Для них важно находиться при истоке творчества, а

не при его формальной завершенности. Поиском этого истока, а не использованием готовых творческих средств занимается дада. Важно источать творческое как таковое, а не творить законченные самоценные формы. Здесь важно творчество идей, а не образов. Улов мыслей без заключения их в систему традиционных комплексов слов и обрамленных картин. Интерес к творческому началу, как к такой силе, которая не творит иллюзий, а творит адекватную миру мысль и взгляд на мир, не доверяя утопиям мира. Творчество здесь связано с его отсутствием. Сотворчество человека с миром (реальностью), кажется, более соразмерным человеку дада. В синтезе искусства и анти-искусства их интересуют неизменные ценности культуры и возможности их нарушения стихией жизни. Те неизменные, структурные ценности, которые не поддаются критике, иногда нарушаются самой жизнью, но эта же жизнь к ним и возвращается. Ничто не вечно, но все-таки не ничто, а только что-то. Вечное есть, но если не вечное, то очень долговременное. Понятие вечности и бесконечности не проверяемо. Всё нужно, важно. Всё влияет на всё. И борьба и мир. И борьба на мир, и мир на борьбу влияет. Искусственное на естественное, а естественное на искусственное. Их борьба и их примирение влияет на них самих и на других. Всё, что происходит – есть живая данность, и это всё, что нам дано. Дано как единственная истина. Дадаисты, как и даосы, или постмодернисты, или любые другие люди, находящиеся в подобном состоянии, впадают в фундаментальное внутреннее молчание и отрешенность от отстаивания какой-либо из точек зрения, хотя они и могут формально, ради игры или интереса что-то поддерживать. Формально думать можно всё что угодно, а фундаментально – ничего. Ничто, как истинная и молчаливая подоснова личности. Поэтому исток иронического и нигилистического творчества лежит в Ничто, в немоте. Исток, который находится при начале, в небытии. Находясь в поисках истока творчества, в поисках истины творчества, они приходят в пустоту первоначального начала, где нет творчества, а есть бытие, которое не нуждается в творчестве. И тогда, творчество происходит по инерции, по необходимости, но оно осознает свою нетворческую истинную подоснову. Искусство осознает свое самое *самое* как чужое себе. Дада оказывается близко религиозному искусству, религиозному иконоборчеству.

Можно сравнить такую ситуацию с логической формой мышления, которая как будто дана нам от природы и мы не можем изменить её основы. Эта же ситуация провоцирует на понимание современной философии как той области знания, которая не стремится и даже не должна быть современной. Как будто она не обязана заботиться о поставлении новых знаний – этим занимаются современные науки – она обитает в сфере метафизики, метафизики как мышления вне актуальной физической реальности. Современность через философию, уходя от современности, обращается к той

традиции, которая требует своего внимания, благодаря актуальным человеческим потребностям. Как раз феномен дада в этом смысле не нов, не уникален – он обращен в прошлое, и тем самым в будущее, воодушевляя потомков на обращение к «вечному» прошлому, к «вечной» природной потребности человеческого существа сомневаться.

На деле дадаисты существовали до дадаистов, а именно в восточной древней философии, античном скептицизме, картезианском критицизме, гуссерлианской феноменологии, ницшеанской философии жизни и т.д. Дадаисты существуют после дадаистов в постструктуралистской философии и постмодернистском искусстве и т.д. Их всех может объединить особые моменты познания, которые со своей стороны не терпят искусственного единства и которые сами по себе единства не знают. И само слово «дада» наиболее адекватно на наш взгляд выражает логику смысла всех вышеперечисленных родственных дада практик и способов мышления, адекватно миру в целом тем, что не имеет претензий на смысл, оно пустое и открытое, вмещающее всё, рассеянное со всем. Ж. Деррида пишет, оценивая намерение М. Хайдеггера: «С порога ставя под сомнение любую определенность бытия, сокрушая все опоры онто-теологии, такое размышление – не меньше, чем самая современная лингвистика – разрушает единство смысла бытия, т.е., в конечном счете, единство слова» [4]. Это же является и намерением дадаиста, которое начинается со слова дада, слова, не имеющего определенного и законченного смысла, но тождественного предельному пониманию бытия.

Библиографический список

1. Тцара, Т. Манифест дада 1918 / Т. Тцара // Альманах дада. – М.: «Гилея», 2000. – 208 с.
2. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. – М.: Издательство «Академический проект», 2009. – 489 с.
3. Делёз, Ж. Логика смысла / Ж. Делёз. – М.: Издательство «Академический проект», 2011. – 472 с.
4. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. – М.: Издательство «Ad Marginem», 2000. – 512 с.

[К содержанию](#)